

Сергий [Страгородский], архим. Вопрос о личном спасении: [Речь перед защитой магистерской диссертации «Православное учение о спасении». Серг. П., 1895] // Богословский вестник 1895. Т. 3. № 9. С. 265–274 (2-я пагин.).

ВОПРОСЪ О ЛИЧНОМЪ СПАСЕНІИ ¹⁾.

Ваше Высокопреподобіе и Мм. гг.!

Вашему просвѣщенному вниманію я предлагаю свою по- сильную попытку раскрыть на основаніи Св. Писанія и твореній святоотеческихъ православное ученіе о личномъ спасеніи, т. е. о томъ, въ какомъ смыслѣ и какимъ пу- темъ человѣкъ, каждая данная личность получаетъ прича- стіе истинной, вѣчной жизни.

Не трудно опредѣлить побужденія, заставившія меня оста- новиться именно на этомъ отдѣлѣ вѣроученія. Вопросъ о жизни, о цѣли существованія, — о томъ, какъ человѣку жить, чтобы жить истинною жизнію, — по истинѣ является альфой и омегой всякой философіи и всякой религіозной системы. Какъ бы ни были отвлеченны, туманны, подъ часъ странны и даже нелѣпы логическія построенія того или дру- гаго мыслителя, но разъ онъ дѣйствительно мыслитель, а не промышленникъ мысли, разъ онъ хочетъ истины, хочетъ слова, исходящаго изъ устъ Божіихъ, а не хлѣба, — послѣд- ній конецъ и вмѣстѣ точка отправленія его философской работы всетаки будетъ онъ самъ, его собственное положе- ніе въ мірѣ и такое или иное опредѣленіе его жизненной задачи. Философія безъ выводовъ для жизни не есть фило- софія, а пустая игра въ философскія слова.

Точно также и въ религіи. Знаніе о Богѣ только тогда будетъ имѣть смыслъ для человѣка, когда Богъ будетъ для него „Единымъ святымъ“, носителемъ его идеаловъ, законо- дателемъ его жизни. И бѣсы вѣрують, говорятъ св. ап.

¹⁾ Речь предъ защитой магистерской диссертации на тему: „Православ- ное ученіе о спасеніи“.

Иаковъ, но они только трепещутъ. Для нихъ лучше было бы совсѣмъ не знать о Богѣ, и они, конечно, предпочли бы состояніе невѣдѣнія своему теперешнему состоянію. Человѣкъ, который живетъ только минутой, который закономъ своего существованія полагаетъ лишь свою волю, свое хотѣніе,—такой человѣкъ, конечно, никогда не будетъ много спорить о томъ, какую вѣру онъ исповѣдуетъ. Для него всѣ вѣры одинаково отвлеченны и безсодержательны, и, слѣдовательно, одинаково безразличны. Истинны вѣры могутъ интересовать его развѣ, какъ предметъ спора, въ которомъ онъ можетъ обнаружить свои познанія, свое остроуміе,—будутъ интересовать его, можетъ быть, въ качествѣ его природнаго, національнаго достоянія,—однимъ словомъ, могутъ быть интересны своей внѣшней стороною и по случайнымъ причинамъ. Но истинности, но объективности и, поэтому, обязательности для себя этого вѣроученія такой человѣкъ понять и признать не можетъ. Онъ видитъ только философскія положенія и выводы, видитъ только догматы и не замѣчаетъ того жизненнаго уклада, который составляетъ на дѣлѣ, въ реальности содержаніе всѣхъ этихъ отвлеченныхъ для него и невразумительныхъ тонкостей догматики. „Кто говоритъ, что любитъ Бога, а брата своего ненавидитъ, тотъ лжець и нѣтъ въ немъ истины“ (1 Ио. IV, 20). Знаніе Бога тогда дѣйствительно, когда оно сопровождается соотвѣтствующею жизнію,—когда человѣкъ по этому знанію себя устрояетъ.

Но жизнь является судьей человѣка не только въ этомъ общемъ смыслѣ, т. е. не въ томъ только, вѣруетъ или не вѣруетъ онъ въ то, что проповѣдуетъ. Жизнь служитъ лучшимъ средствомъ и для опредѣленія и выясненія подлиннаго міровоззрѣнія человѣка или той или другой философской системы, равно какъ и для оцѣнки этого міровоззрѣнія. Въ вопросѣ о Богѣ, о мірѣ и объ общихъ отношеніяхъ между ними можно иногда ограничиться одной формой, только внѣшними соотношеніями понятій, не задаваясь вопросомъ о томъ, что эта форма или эта оболочка въ себѣ заключаетъ, не доводя отвлеченныхъ выводовъ до осязаемой, жизненной ясности. Вопросы эти, отвлеченные по самому существу своему, могутъ иногда и не требовать (по крайней мѣрѣ, можетъ показаться, что они не требуютъ) себѣ

такого соответствія въ наличной дѣйствительности, — это соответствіе предполагается гдѣ то вверху, вдали отъ этой жизни и отъ окружающей обстановки. Но лишь только чловѣкъ опустится съ высоты отвлеченія внизъ на землю къ дѣйствительной жизни, лишь только онъ оставитъ бытіе съ его цѣломъ и займется въ частности своей собственной личностью, постарается изъ общей основы вывести свои личные отношенія къ этому цѣлому и къ другимъ подобнымъ же личностямъ, — тогда у него сразу же отнимается всякая возможность ограничиться одной формой, однимъ отвлеченіемъ. Какъ бы ни была стройна его система, какъ бы ни были хорошо принаровлены другъ къ другу разныя его опредѣленія и выводы, — ни онъ самъ, ни кто-нибудь другой въ вопросѣ о жизни этой стройностью не удовлетворится. Необходимо будетъ показать, что въ дѣйствительности — то соответствуетъ этимъ стройнымъ понятіямъ и выводамъ. Здѣсь и можетъ обнаружиться призрачность, выдуманность многихъ теорій и системъ. Все старательно и эффектно отдѣланное построеніе какого-нибудь мыслителя можетъ разлетѣться въ прахъ отъ одного этого прикосновенія съ жизнью, именно отъ одной невозможности подтвердить ссылкой на опытъ свои умозрѣнія. — Если же міровоззрѣніе истинно, тогда, при сопоставленіи съ жизнью отвлеченныя и малопонятныя формулы и термины становятся ясными, понятными, почти осязаемыми, — тогда и дѣйствительная жизнь представится уже не страннымъ отрицаніемъ философіи, не грубой насмѣшкой надъ ея идеализмомъ, а наоборотъ ея разъясненіемъ, комментариемъ, — прямымъ выводомъ изъ нея.

Вопросъ о личномъ спасеніи и представляетъ въ системѣ нашего вѣроученія именно такой пунктъ, въ которомъ это послѣднее становится лицомъ къ лицу съ дѣйствительностью, съ реальнымъ бытіемъ и хочетъ въ жизни, въ практикѣ показать, въ чемъ собственно заключается та истина, которую оно проповѣдуетъ. — Въ этомъ пунктѣ каждое вѣроисповѣданіе можетъ найти себѣ и безпристрастную оцѣнку. — Разъ здѣсь предполагается опредѣленіе жизненной цѣли чловѣка, вполне согласно есъ доводами разума и требованіями нравственнаго сознанія, — разъ всѣ отвлеченныя формулы и термины находятъ себѣ полное соответствіе въ дан-

ныхъ опыта, не оставляя ничего темнаго, ничего необъясненнаго, — разъ и остальные части системы, части отвлеченныя, прямо предполагаются и въ свою очередь объясняются даннымъ опредѣленіемъ жизни и ни въ чемъ ему не противорѣчатъ, — это значить, что данное вѣроисповѣданіе представляетъ изъ себя не сводъ человѣческихъ измышлений, а прямой снимокъ съ реального бытія, что оно не искажаетъ факта жизни, а подлинно его воспроизводитъ, — что, слѣдовательно, оно есть истина. А, съ другой стороны, разъ найдены въ дѣйствительной жизни факты, соотвѣтствующіе положеніямъ и выводамъ, — разъ представилась, такимъ образомъ, возможность опытно постигнуть, въ чемъ жизнь по христіанству, тогда освобождается отъ малопонятности, отвлеченности, формальности и вся система христіанскаго вѣроученія. Кто любить брата своего, тотъ позналъ Бога и видѣлъ Его, говоритъ Апостоль (1 Іо. IV, 7. 8). Испытавшій фактически суть христіанской жизни, пойметъ и, въ чемъ состоитъ жизнь Божія потому что послѣдняя не метафизическое только основаніе, но и прямой прототипъ и источникъ жизни человѣка. Въ томъ (Словѣ Божіемъ) была жизнь и жизнь была свѣтъ человѣкамъ, (Іо. I, 4), предносилась человѣческому сознанію и въ качествѣ идеала.

Слѣдовательно, тотъ, кто хочетъ узнать истинное существо католичества, протестантства или православія, тотъ долженъ обратиться не къ теоретическому ихъ ученію, а къ ихъ понятію о жизни, къ ихъ ученію, именно, о личномъ спасеніи, въ которомъ (ученіи) это понятіе наиболѣе ясно выражено, — тотъ долженъ опросить каждое изъ вѣроисповѣданій, въ чемъ оно полагаетъ смыслъ жизни человѣка, его высшее благо. Догматъ о *filioque*, несомнѣнно, касается краеугольнаго камня нашей вѣры, — но выразилъ ли онъ, этотъ догматъ все католичество и можно ли думать, что съ устраненіемъ его западное христіанство пойдетъ на примиреніе съ нами? Устраненъ будетъ только одинъ изъ многочисленныхъ пунктовъ разногласія, только однимъ изъ многочисленныхъ поводовъ къ пререканіямъ будетъ меньше, а раздѣленіе не ослабѣетъ нисколько. Вѣдь, не отъ *filioque* католичество, а наоборотъ. Догматъ о папствѣ, конечно, составляетъ основную пружину, такъ сказать, душу католичества, но опять таки не отъ папства произо-

шло извращенное католическое жизнепониманіе, а отъ этого послѣдняго папство, иначе не объяснить, почему и какимъ образомъ папа нашель и находить себѣ въ западномъ мірѣ столько покорныхъ, фанатически преданныхъ ему слугъ и столько безгласныхъ послѣдователей, — одними поддѣлками и уловками, однимъ іезуитизмомъ и властолюбіемъ Рима этого явленія объяснить нельзя. Точно также не вслѣдствіе отверженія таинствъ и церковнаго преданія и не вслѣдствіе преувеличеннаго понятія о падшей природѣ человѣка, — протестанты пришли къ своему призрачному, фиктивному спасенію, а, наоборотъ, исказивши самое понятіе о жизни, они должны были послѣдовательно исказить и все церковное устройство и ученіе. Предположимъ, что всѣ ошибки въ ученіи и устройствѣ будутъ исправлены, — искаженное понятіе о жизни докажетъ, что эти исправленія только на словахъ, — чрезъ нѣсколько времени протестанты должны будутъ создать на мѣсто устраненныхъ новыя искаженія, новыя ошибки.

Точно также и православіе узнается не изъ его теоретическаго ученія. Отвлеченныя положенія и формулы по самой своей отвлеченности одинаково неудобопонятны, неудобопредставимы для человѣка, будутъ ли онѣ католическими или православными. Развѣ прямая логическая нелѣпость обнаружитъ несостоятельность инославной системы. Какъ выраженіе именно объективно-данной истины, православіе всего болѣе и глубже познается тамъ, гдѣ оно всего непосредственнѣе соприкасается съ этой объективной истиной, съ областью дѣйствительнаго бытія: въ своемъ описаніи дѣйствительной жизни человѣка, въ своемъ опредѣленіи жизнецѣли и основанномъ на этомъ послѣднемъ ученіи о личномъ спасеніи. Только окончательно усвоивши себѣ православное ученіе о жизни, можно вполне (не логикой только) убѣдиться въ непреложной, безусловной истинности православія, — можно *понять*, наглядно уразумѣть эту истинность. Послѣ же этого получать свой глубокій, полножизненный смыслъ и всѣ тѣ теоретическія положенія, всѣ тѣ догматы, которые раньше казались лишь безразличными метафизическими тонкостями. Все это будетъ одно и то же, единое по духу и идеѣ, ученіе объ истинной жизни, — только на этотъ разъ жизнь разсматривается не *для* человѣка, а въ своей объективной данности, сама въ себѣ.

Въ этихъ азбучныхъ истинахъ пришлось убѣдиться на дѣлѣ и мнѣ при написаніи моего сочиненія. Къ вопросу о личномъ спасеніи я приступилъ на первыхъ порахъ съ интересомъ чисто теоретическимъ. Мнѣ хотѣлось выяснитъ себѣ вопросъ этотъ просто, какъ темный, запутанный пунктъ вѣроученія, трудно поддающійся опредѣленію. Какъ точнѣе выразить наше ученіе о спасеніи? Что православному нельзя говорить такъ, какъ говорятъ католики, — это извѣстно, — что ему еще менѣе можно говорить такъ, какъ говорятъ протестанты, это тоже выше всякаго сомнѣнія, — но какъ онъ долженъ говорить, этому точнаго опредѣленія намъ не давали. Меня занималъ вопросъ: неужели же православію приходится довольствоваться одними, такъ сказать, обрѣзками отъ западныхъ исповѣданій, неужели же оно не имѣетъ своего положительнаго, ему одному свойственнаго содержанія? — Если туманность, спутанность приходится на долю инославія, — это объяснить себѣ не трудно. Инославіе и есть искаженіе. Стоитъ его только сопоставить съ этой истиной, съ реальнымъ бытіемъ (а это сопоставленіе и дѣлается въ ученіи о личномъ спасеніи), — необходимо обнаружится нѣкоторое несоотвѣтствіе, получится нѣкоторая неясность. Пусть инославіе будетъ стройно и послѣдовательно въ своей системѣ, это еще ничего не доказываетъ, или доказываетъ только то, что и отвлеченное ученіе инославія перестроено по искаженному понятію о жизни и, слѣдовательно, тоже не правильно передаетъ объективную истину, тоже искажено. Но какъ понять неопредѣленность въ православіи? Если оно сохранило безъ всякихъ прикракъ и убавленій самое ученіе Иисуса Христа, — оно, слѣдовательно, сообщаетъ такое познаніе Бога и міра, какимъ обладалъ только Самъ Сынъ Единородный, Сущій въ лонѣ Отца, — оно даетъ такое опредѣленіе жизни, какое могъ дать только Самъ. Источникъ и Носитель жизни. Почему же при всей своей опредѣленности и ясности въ отвлеченномъ ученіи православіе должно какъ бы прикрываться туманомъ, когда ему приходится на дѣлѣ (именно въ вопросѣ о личномъ спасеніи) обнаруживать свое ученіе? Если православіе — истина, — оно должно прямо и отчетливо отражать въ себѣ объективное бытіе, реальную жизнь, — неясностей быть не должно. — Самъ собою рождался вопросъ: правильно ли представляется нами ученіе право-

славной церкви? Не примѣшиваемъ ли мы къ чистому ученію чего либо посторонняго, что и затемняетъ его? Всѣ мы знаемъ, что существующія теперь въ догматикѣ рубрики получили бытіе отнюдь не у насъ, не въ церкви православной и не въ православной наукѣ,—что онѣ, напротивъ, придуманы на западѣ въ вѣкъ схоластики, придуманы, конечно, для инославной догматики и, слѣдовательно, принаровлены, именно, къ ней, къ западному міровоззрѣнію и складу мышленія. Имѣемъ ли мы право эти чуждыя рубрики переносить въ нашу науку и по нимъ развивать православное ученіе?

Чтобы дать себѣ отчетъ въ этомъ, я сталъ читать творенія св. отцевъ Церкви. Читалъ я ихъ не только потому, что помнилъ ихъ, такъ сказать, каноническій авторитетъ, не только въ качествѣ обязательнаго для всякаго христіанина церковнаго преданія. Моя мысль была нѣсколько иная: я искалъ въ твореніяхъ св. отцевъ описанія и разъясненія жизни по Христу, или истинной, должной жизни, т. е. того именно явленія въ объективномъ мірѣ, которое хотять дедуктивно вывести и опредѣлить отвлеченныя формулы догматики. Я хотѣлъ уяснить себѣ взгляды отцевъ на жизнь человѣка, чтобы изъ этого объективнаго основанія потомъ провѣрить и теоретическое ученіе и дать ему болѣе соотвѣтствующее объясненіе.

Такой приѣмъ изслѣдованія въ православіи необходимъ. Мы знаемъ, что Иисусъ Христосъ принесъ намъ не одно ученіе и что дѣло апостоловъ и церкви состояло не въ томъ только, чтобы выслушать бесѣды Иисуса Христа и потомъ передать ихъ въ буквальной точности изъ рода въ родъ: для такой цѣли лучшее средство—не устное преданіе, а какія-нибудь скрижали. Мы знаемъ, что Иисусъ Христосъ принесъ намъ прежде и главнѣе всего новую жизнь и научилъ ей апостоловъ и что дѣло церковнаго преданія не ученіе только передавать, но передать изъ рода въ родъ именно эту зачавшуюся съ Христомъ жизнь, передать именно то, что не передается никакимъ словомъ, никакимъ писменемъ, а лишь непосредственнымъ общеніемъ личностей. Теоретическое ученіе только обобщаетъ и возводитъ въ систему это ученіе о жизни. Поэтому, апостолы и выбирали своими преемниками и замѣстителями людей, именно наиболѣе

преуспѣвшихъ, наиболѣе сознательно и прочно усвоившихъ себѣ возвѣщенную имъ жизнь Христову. Поэтому, и отцами церкви признаются не тѣ изъ церковныхъ писателей, которые были наиболѣе учены, наиболѣе начитаны въ церковной литературѣ,—отцами церкви признаются писатели святые, т. е. воплотившіе въ себѣ ту жизнь Христову, хранить и распространять которую церковь получила себѣ въ удѣлъ. Если же такъ, то составить себѣ правильное понятіе о православіи можно не разборомъ его основоположительнаго, отвлеченнаго ученія, — а именно наблюдениемъ надъ этой реальной жизнью по Христу, которая хранится въ православной Церкви. А такъ какъ признанными носителями, воплотившими эту жизнь, этого жизненнаго преданія были св. отцы, въ писаніяхъ своихъ подробно толкующіе эту жизнь,—то естественно къ нимъ для наблюдений и обратиться. Я такъ и сдѣлалъ.

Чѣмъ больше я читалъ св. отцевъ, тѣмъ для меня становилось все яснѣе и яснѣе, что я возвращаюсь въ совершенно особомъ мірѣ, въ кругу понятій, далеко не похожемъ на нашъ. Я сталъ понимать, что разность православія и инославія заключается не въ какихъ нибудь частныхъ недомолвкахъ и неточностяхъ, а прямо въ самомъ корнѣ, въ принципѣ, что православіе и инославіе противоположны между собой такъ же, какъ противоположны себялюбіе, жизнь по стихіямъ міра, ветхій человѣкъ и самоотверженная любовь, жизнь по Христу, человѣкъ обновленный. Предо мной встали два совершенно отличныхъ, не сводимыхъ одно на другое міровоззрѣнія: юридическое и нравственное, христіанское. Первое я назвалъ юридическимъ, потому что лучшимъ выраженіемъ этого міровоззрѣнія служитъ западный юридическій строй, въ которомъ личность и ея нравственное достоинство пропадаетъ и остаются только отдѣльныя правовыя единицы и отношенія между ними. Богъ понимается главнымъ образомъ первопричиной и Владыкой міра, замкнутымъ въ своей абсолютности,—отношенія Его къ человѣку подобны отношеніямъ царя къ подчиненному и совѣмъ не похожи на нравственный союзъ. Точно также и человѣкъ представляется въ его *отдѣльности*, онъ живетъ для себя и только одной внѣшней стороной своего бытія соприкасается съ жизнью общаго, — только пользуется этимъ об-

щимъ; даже и Богъ съ точки зрѣнія человѣка является только средствомъ къ достиженію благополучія. Началомъ жизни, слѣдовательно, признается себялюбіе, а общимъ признакомъ бытія—взаимная отчужденность всего живущаго. Между тѣмъ, по мысли св. отцевъ, бытіе и жизнь въ собственномъ смыслѣ принадлежать только Богу, который и носитъ названіе „Сый“,—все же остальное, все тварное существуетъ и живетъ исключительно своимъ причастіемъ этой истинной жизни Божіей, этой вождельнной Красотѣ, по словамъ св. Василія Великаго. Богъ, слѣдовательно, связанъ съ своимъ твореніемъ не однимъ абсолютнымъ „да будетъ“, Богъ *въ прямомъ смыслѣ* служитъ средоточіемъ жизни, безъ котораго тварь такъ же не мыслима въ своемъ настоящемъ существованіи, какъ и необъяснима въ своемъ происхожденіи. Переводя это метафизическое положеніе на языкъ нравственной жизни, получимъ правило: никто не можетъ и не долженъ жить для себя,—смыслъ жизни каждаго частнаго бытія—въ Богѣ, что практически значитъ, въ исполненіи Его воли. „Я пришелъ не для того, чтобы творить волю Мою, но волю пославшаго Меня Отца“. Основнымъ началомъ жизни каждаго признается, такимъ образомъ, уже не себялюбіе, а „любовь истины“ (2 Сол. II, 10). Вѣрный этому закону, человѣкъ въ своихъ отношеніяхъ къ Богу, міру и къ людямъ руководится уже не себялюбивой жадной бытія (выводомъ отсюда была бы борьба за существованіе), а безкорыстнымъ алканіемъ и жажданіемъ правды, какъ высшаго закона, которому онъ и приноситъ въ жертву свое бытіе. Въ юридическомъ жизнепониманіи искали счастья, здѣсь ищутъ истины. Тамъ нравственное добро, святость, считалось средствомъ къ достиженію блаженства, здѣсь истинное бытіе и приписывается только одному нравственному добру, воплощенному въ Богѣ,—и блаженство человѣка, слѣдовательно, считается тождественнымъ съ святостью.

Послѣ этого понятно, что произойдетъ, если мы рамки жизнепониманія юридическаго приложимъ къ нравственному, христіанскому. Конечно, буквальныхъ совпаденій можно будетъ подыскать очень много,—можно будетъ подъ каждую юридическую рубрику подогнать, втиснуть то или другое положеніе православное. Но вѣдь нужно помнить, что юри-

дическія рамки гораздо формальнѣе, внѣшнѣе нравственныхъ, что онѣ не могутъ выразить всей глубины, жизненности жизнепониманія нравственнаго. Громадное множество понятій окажется совсѣмъ не обобщеннымъ, оставленнымъ безъ вниманія,—будетъ раздѣлено многое, что нужно непременно представлять единымъ, и наоборотъ, сбито въ одну рубрику то, что требуетъ строгихъ разграниченій. Православное ученіе представлено будетъ, слѣдовательно, во всякомъ случаѣ односторонне, чтобы не сказать, неправильно.

Этимъ и опредѣлилось содержаніе и характеръ моего труда: я долженъ былъ начать съ критики юридическаго жизнепониманія, чтобы уже потомъ въ главахъ: о вѣчной жизни, о возмездіи, о спасеніи и о вѣрѣ раскрыть положительное ученіе православное. Общій мой выводъ таковъ: истинная жизнь человѣка—въ общеніи съ Богомъ. Быть причастникомъ этой вѣчной жизни можно только чрезъ уподобленіе Богу (отсюда необходимость добрыхъ дѣлъ, т. е. духовно-нравственнаго возрастанія), но это уподобленіе возможно только тогда, когда Богъ придетъ къ человѣку, а человѣкъ узнаетъ и приметъ Бога. Необходима, слѣдовательно, благодатная помощь Божія и вѣра во Христа и Бога, которая дѣлаетъ возможнымъ совершеніе спасенія. „Се стою у двери и стучу. Если кто услышитъ голосъ Мой, и отворитъ дверь, войду къ нему, и буду вечерять съ нимъ и онъ со Мною. Побѣждающему дамъ сѣсть со Мною на престолѣ Моемъ, какъ и Я побѣдилъ, и сѣлъ со Отцемъ Моимъ на престолѣ Его (Апок. III, 20—21). Къ этому направлено все промышленіе Божіе, все домостроительство нашего спасенія, въ этомъ цѣль и смыслъ и служенія Иисуса Христа.

Въ основу моего изслѣдованія, какъ выразился одинъ изъ моихъ почтенныхъ рецензентовъ, положена идея тожества блаженства и добродѣтели, нравственнаго совершенства и спасенія. Насколько удачно и послѣдовательно примѣнилъ я эту идею къ тому отдѣлу вѣроученія, который я хотѣлъ раскрыть,—это судить не мнѣ,—но я утѣшаю себя мыслию, что въ богословскомъ сочиненіи я напомнилъ эту идею, или точнѣе говоря, напомнилъ необходимость имѣть ее въ виду при догматическомъ изслѣдованіи православнаго ученія.

Архимандритъ Сергій.